

что ренессансное «источниковедение» алхимии считает ее законной дочерью средневековья.

И все-таки почему именно Ренессанс обеспечил алхимии как будто бы новую — тысячу лет спустя после Александрии — многоцветную, полновзвучную жизнь? Не было ли Возрождение само в какой-то своей грани алхимическим, то есть тоже средневековым? А если так, то и возрожденческие инвективы в адрес адептов не более, чем способ отмежеваться от оккультизма старого во имя новой герметики. Размежевание на всякий случай. Но, как бы там ни было, живая алхимия окончилась, что своевременно уловил ренессансный критический ум. *Леонардо да Винчи*: «*О, искатели постоянного движения, сколько пустых проектов создали вы в подобных поисках! Прочь идите с искателями золота!*» (Зубов, 1961, с. 125). Начинается естественнонаучная критика алхимии.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОБЕРТА БОЙЛЯ (XVII в.), с прямою манифеста запечатленная в его «*Химике-скептике*» химия, флогистиков, химические воззрения *Лавуазье* (XVIII в.) — результативная антиалхимия. Анализ этой истории достаточно представлен и в зарубежной, и в нашей историко-химической литературе. Продолжение той самой, как будто и поныне продолжающейся, критической традиции отрицателей-возрожденцев, лишь внешне более подкрепленной аргументами в век Просвещения. И все-таки это иная традиция, ибо пафос ее не в расчете со средневековьем, а в оправдании рационального знания, ставшего идеалом XVIII столетия.

Николай Лемери (XVII—XVIII вв.): алхимия — это «*искусство без умения, начало которого — ложь, середина — труд, конец — нищета*». (*Lettre*, 1713, с. 85). Середина этого афоризма опорочена началом и обесценена концом — «нищетой». Эрнест Мейер отгораживает алхимию от химии, считая, что на химию алхимические учения оказали очень ничтожное влияние (Мейер, 1899, с. 38). Ведь наряду с алхимией всегда существовала практическая химия, и именно из нее возникла химия как наука. Опустив бесчисленные сходные высказывания, заключу весьма выразительными словами Н. А. Фигуровского: «Алхимию можно образно представить в виде бесплодного отростка на живом дереве химии. Уходя корнями в практику, питаясь и развиваясь от связей с производством, химия на определенном этапе развития дала отросток — алхимию, пышно распутившийся и разросшийся в средние века. Казалось, что этот отросток мог перерасти самое дерево; но он оказался нежизненным и, не получая питательных соков от производства и практики, в конце концов засох» (1969, с. 124). Как появился этот отросток? Почему он оказался неполноценным, в то время как на самом деле цвел пышно и ярко больше десяти столетий? Как из химического ремесла — только из него одного — возникает химическая наука? Что мешало отростку получать те же соки, что получало все дерево? Ни на один из этих вопросов автор ответа не дает.